

Площук Галина Ивановна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры
литературы Псковского государственного педагогического
университета им. С. М. Кирова

О СЕМАНТИКЕ КУПАЛЬСКОГО «ЗАЛОМА»

На Псковщине, как и вообще у восточных славян, распространено поверье о том, что в ночь на Иванов день ведьмы и колдуны «портят» урожай, устраивая во ржи так называемые *заломы* и *перезины*. То и другое представляет собою магические действия с хлебными злаками.

Н. А. Криничная в своем капитальном труде «Русская мифология: Мир образов фольклора» пишет: способ *залома* состоит в том, что «стебли зерновых не только подламываются (*заламываются*) у нижних междоузлий или *загибаются книзу*, но и оказываются определённым образом *скрученными, свитыми, сплетёнными, спутанными в жгут, пучок, узел, а также перевязанными (связанными, завязанными) ниткой, лентой, волосами либо стеблями, собранными в пучок*»¹ (здесь и далее курсив наш. – Г. П.). С помощью залома, по народным верованиям, можно отнять урожай, навлечь болезнь или даже смерть. Вредоносный эффект залома наступает при условии непосредственного контакта с ним, поэтому осенью во время жатвы залом старались обойти и затем обезвредить².

Семантика залома Н. А. Криничной видится таким образом: «в нём отчётливо просматривается идея плетения, витья, соотнесённая с нитью жизни и предопределяющая течение бытия. Залом же стеблей растений, приравненных к нитям жизни, символизирует её пресечение»³. «Характерно, –

продолжает она, – что такой узел в некоторых локальных русских и – шире – в восточнославянских традициях назывался «куклой», «куколкой» и, по-видимому, некогда имел *антропоморфные очертания*, как бы персонифицируя заключённую в нём колдовскую силу...»⁴.

Исследовательница не соглашается с трактовкой Д. К. Зеленина, концентрирующего внимание на *пригибании колосьев к земле, вследствие чего*, по мнению ученого, *туда уходит вегетационная сила растений*, направляемая затем колдуном (знахарем, ведьмой) с чужого поля на своё⁵.

Обе трактовки предполагают изначально вредоносный смысл залома, что вызывает сомнение. Нам представляется, что в данном случае, трактуя архаическую семантику *залома* как вредоносное магическое действие, Н. А. Криничная отвлеклась от провозглашённого ею же и давшего прекрасные результаты в её основательном научном труде принципа: помнить, что, во-первых, до нас дошёл позднейший пласт мифологических рассказов, где архаические образы переосмыслены часто до прямой своей противоположности и сохранили свои первоначальные черты лишь в виде рудиментов; и что, во-вторых, эти образы следует рассматривать в широком этнографическо-фольклорном контексте. Отсюда необходимость, хотя и с большой осторожностью, использовать такой инструмент реконструкции изначальных форм (к нему с успехом прибегает Н. А. Криничная в других случаях), как «обращение» образа, с одной стороны, и рассмотрение магического обряда, связанного с воздействием на урожайность поля, в широком этнографическом контексте.

В северных районах Псковской области ведьму, колдуна называют *волхва*, *волховит*. По наблюдениям Н. А. Криничной, и в севернорусской мифологической прозе название «волхвы» удержалось за персонажами вплоть до наших дней. Она отмечает также названия «*волхвунья*», «*волховитка*», «*волхид*». Справедливо мнение исследователь-

ницы, что «сохранение в традиции подобных рудиментов не случайно... всевозможные деревенские колдуны и знахари – это далёкие наследники древних волхвов»⁶, т. е. служителей дохристианского языческого культа.

Волхвы были знатоками и исполнителями / руководителями соответствующих обрядов. Вряд ли в их цели входило вредить соплеменникам. Мы исходим из предположения, что отрицательное восприятие *залома* и *пережсина* может быть результатом позднейшего под влиянием христианства негативного переосмысления некогда положительного образа *ведьмы* / *волхвы* и, следовательно, совершаемых ею обрядовых действий. В таком случае *заламывание* и *пережсинание* ржи могли быть некогда важным, а может быть, судя по их отнесённости к периоду летнего солнцеворота, кульминационным звеном в цепи годовых аграрных обрядов, составляющих единое целое и направленных на обеспечение урожая зерновых. Прежде всего эти обряды и должны быть тем этнографическим контекстом, в котором следует рассматривать повествования о заламах.

Варианты *залома*, при котором переплетённые колосья связываются в кольцо (*кълесом скрутит*) или пригибаются к земле, напоминают троичко-семицкие обряды *завивания берёзки*, когда девушки «загибали концы веток в кольца и закрепляли их так, чтобы образовались венки, которые как бы росли на дереве», или пригибали верхушку берёзки к земле и делали косу, связывая эту верхушку с травой, или связывали верхушки двух берёзок так, чтобы они образовали арку)⁷. В Андреапольском районе Тверской области верхушки двух берёзок связывались так, что образовывали *зелёное солнце*, т. е. опять же венки⁸. Исконный смысл подобных обрядовых действий В. Я. Пропп трактует как продуцирующую магию, которая должна была обеспечить урожай текущего года: «Исходя из предположения, что сила роста, по

представлениям народа, находится в верхушках и в концах веток, откуда идет рост, можно рассматривать загибание в кольцо и связывание как способ уловления и сохранения этой силы. Эту силу надо вынести из леса и передать её земле и людям. ...завитую березку рубили и бросали в рожь.

Пригибание верхушки к земле и переплетение её с травой довольно явно представляют собой попытку передачи вегетативной силы от березки к земле»⁹.

Прямые аналогии колдовскому купальскому залому злаков имеются в жнивных обрядах. При завершении жатвы небольшую горсть колосьев оставляли несжатой; этот *пучок* называли «борода». «Бороду *завивали* или её *заламывали*. ”Завивать” означает придавать *круглую форму, т. е. делать венок, не срезая растения*. Но завиванием дело не ограничивалось. *Колосья надламывали и пригибали* к земле так, чтобы они соприкасались с ней, или даже, не вырывая, *закапывали в землю*»¹⁰. Назначение такого завивания колосьев, пригибания их и закапывания В. Я. Пропп видит в возвращении земле «тех сил, которые из земли ушли в зерно»¹¹.

Общеизвестно, что «обряды начала и окончания жатвы в первую очередь направлены на сохранение и приумножение жизненной силы земли и злаков: *«итоп на новый год уродилась бы рожь хорошая, спор был бы хлебу»* (Гд.)¹²; «...если хлеб «споркий», съешь кусочек – и ты сытый» (С.-К.) Особой жизненной силой («споркостью»), по представлениям крестьян, обладали зёрна первой пястки ржи, *последние колосья* и последний сжатый сноп¹³. *Солома* же мыслилась как средоточие растительных сил, недаром она *«служит основным атрибутом антропоморфных обрядовых персонажей, олицетворяющих силы природы»*¹⁴.

Особый интерес представляет для нас исследованный Г. В. Лобковой севернопсковский обряд

резать Бабу, завершающий пожинки. В Гдовском, Стругокрасненском, Плюсском, Порховском районах Псковской области «зафиксировано представление о мифологических образах *Бабы Яги, Бабы Горбатой, Пожиналки*, которые по своим характеристикам относятся к «хозяевам», духам растений (Баба живет в ржаной ниве, у Бабы – красный платок, Бабу гонят в процессе жатвы *в лес* или на несжатую полосу)»¹⁵. «Жница заплетает оставшиеся на корню колосья. Вплетает тряпочку, красную или синюю, и завязывает *узлом*. Жница *отрезает* колоски (макушку) и кладет их в сноп (или *на землю*): последние колосья отделены от стеблей: *Отрезали Бабы голову – зарезали Бабу!*..

Украшают косу лентами и цветами, *приклоняют косу к земле*. Коса может стоять прямо, или «*макушку косы привязывают к корням*» составляющих её стеблей ржи (т. е. делают кольцо-веночек. – Г. П.). Жницы пляшут в круговой пляске с пением магических заклинаний»¹⁶. Затем следует обрядовая трапеза, во время которой «кормят и Бабу», а затем приговаривают: «***Ну вот, Баба, мы тебя накормили, а ты нас тоже не забывай кормить!***»¹⁷.

По наблюдениям Г. В. Лобковой, в севернопсковской традиции «складывание трёх пучков соломы крест-накрест выполняет как охранительную, так и продуцирующую функцию». Отсюда «Коса – многократно повторенный крест из ржаной соломы – является средоточием природной силы. Косу заплетают и завязывают, тем самым собирая силу воедино и закрывая ей возможность выхода (*крест, узел*)»¹⁸. «Сопоставление жатвенных обрядовых действий с элементами свадебной обрядности, – пишет Г. В. Лобкова, – показывает, что если невесте косу расплетают, ленты выплетают и раздают, то на ниве косу заплетают, завязывают и украшают. Пожинальная Баба (нива), народившая урожай, только что «принятый на руки» жницами, вновь получает знаки-

символы девичества и преобразуется в некую Деву, Невесту (пашня, засеянное поле).

Совершая ритуальную круговую магическую пляску посолонь или навстречу солнцу, жницы поют песню, в которой «сватают» Пожиналку:

Баба ты, баба,
(вариант: *Баба Яга, костяная нога!*)
Выйди за нашева
Деда замуж!
В нашева деда
Три клети хлеба!
Дров ни полена,
Х... по колена!

Вариант продолжения текста:

Дров ни полена,
Х... по колена!
Печка не топлена,
Баба не е...! (Гд.)¹⁹.

Г. В. Лобкова предлагает следующую трактовку сюжета песни: «Баба – полевая и лесная хозяйка – имеет отношение и к дровам, и к печи; Дед – покровитель человеческого рода («наш Дед») – владеет «спором», хлебной силой и представляется как хозяин клетей, амбаров; Дед сватается к Бабе, в роли «свах» выступают сами жницы. Приговоры жниц у косы: «Богатый, богатый сёводни Дед! Иди за ёво! Живи с им!» (Гд.)²⁰.

Название **Баба Яга** указывает, что образ хозяйки нивы, Пожиналки, генетически восходит к доземледельческому образу лесной хозяйки, каким донесла его до нас волшебная сказка²¹. Ясно так же, что наиболее архаичным из всех известных вариантов севернопсковского пожинального обряда является тот, в котором Бабу по завершении жатвы **прогоняют в лес**:

«”Ну, бяги, Баба Горбатая, в лес!” [Выкрикивает:] “А ты, Баба Горбатая, бяги в лес!”» (Порх.); «Кончают жать и тогда кричат: “У-у! У-У!”. Вот так, они – оттуда, мы – отсюда, и кричим – укаимсе. [Выкрикивает:] “Вганяйти Бабу!..”» (Гд.); «Топерь кричишь гу-у-улка-гулко!» (С.-К.)²².

Таким образом, по окончании жатвы мифологическое существо (Баба, Пожиналка, Баба Горбатая), только что разрешившееся урожаем хлеба, убитое (*отрезали Бабы голову*) и воскресшее в результате магического обряда (круговая пляска посолонь – вариант ритуального веселья, способствующего новому рождению²³ «умервщённой» Бабы уже в качестве невесты *Деда* – покровителя человеческого рода), криками прогоняют в лес. Но когда же и как она появлялась на поле?

В зафиксированном в Псковской области тексте отложилась акустическая деталь, характеризующая поведение колдунов в Ивановскую ночь: в эту ночь в поле колдуны *«и воют, и лают, и вякают, как кошки, всяким манерам»* (Опоч.)²⁴. Возможно, в этом поверье отложился рудимент архаического обряда призывания Бабы Яги (или идентичного ей мифологического персонажа) из леса на поле. Не отсюда ли и устойчивость в псковской традиции наименования *иваньских* ведьм и колдунов *закликухами? Закликун / закликуха* от *закликать* – ‘кликать, звать, зазывать’. Крик как то, что неотъемлемо связывается в сознании информанта с образом ведьмы-закликухи, представлен в быличке, записанной в Пустошкинском районе Псковской области: *«Когда была девчонкой, то пасли в поле коров. А поле-то – около болота. По вечерам в болоте кричали закликухи страшно так: «А-а-у-у-у! А-а-у-у-у!»... В Иванов день закликухи отбирали у коров молоко. Придет вечером корова домой, а молока нет.*

Если идешь жать рожь, а она пучками на узел завязана, жать нельзя: руки болеть будут. У нас одна

женщина не верила, сжала завязанную закликухами рожь. Ох, как она после руками мучилась!

Мы, если услышим, что закликуха кричит, гоним сразу коров на другое поле. А иногда только перегоним, а она и там кричит! Ой, страшно!»²⁵.

Не означал ли появившийся на поле залом-кукла (в пожинальном обряде, как помним, такая кукла мыслилась воплощением Бабы Яги, Бабы Горбатой, Пожиналки), что закликание увенчалось успехом? Если это так, то, по-видимому, этнографическим субстратом, породившим мифологические рассказы о криках колдунов в Ивановскую ночь в ржаном поле и об устройстве ими залома во ржи донесли до нашего времени рудименты обряда вывода на поле мифического существа, от которого зависело обеспечение урожая и его качества. Известен обряд проводов русалки на ржаное поле в начале лета (троицко-семицкие праздники)²⁶. Но если русалки, по представлению крестьянина, должны были обеспечить поле необходимой для роста злаков влагой, то период летнего солнцеворота, когда начинал наливаться и зреть колос, – самое время для появления на поле тех «хозяев» сил природы, от которых зависело сообщение хлебу «спора», для магических обрядов программирования качества урожая.

Известно, что завивание залома сопровождалось вербальной магией. Завивающий громко выкрикивал: «Хто буде жать, того буде таскать; хто буде малатить, того буде калатить; хто буде ести – той буде на стенку лезти» (волын., Зел.ВЭ:71)²⁷.

Былички о пагубном для человека последствии соприкосновения с заломом бытуют на территории всей Псковской области: *...Как серпом зацепила, так и не разогнулась больше... умерла*²⁸. Мотив вредоносного воздействия залома (*руки отломит, будут болеть руки, будет ломить спину, без глазу осталась, палец серпом вдарила, моя мама от залома умерла* и т. п.) может быть

связан с запретами посещать хлебное поле в то время, когда, по древним представлениям, на нём трудились благосклонные к человеческому роду сверхъестественные существа, от которых зависело качество и количество урожая, и, тем более, касаться *залома* или нарушать его. Сравним: в жнивном обряде существует запрет прикасаться голый рукой к «бороде», чтобы заключённая в ней плодородная сила не ушла через прикосновение и была возвращена полю для обеспечения будущего урожая. «Борода», как уже говорилось, – одно из названий последнего пучка колосьев, оставляемых на поле, которые жница-болшуха, *спустив рукав рубахи на ладонь*, завивала по солнцу, пригибала к земле или связывала в кольцо.

Запрет прикасаться к залому подкреплялся страшными заклинаниями в адрес того, кто бы решился это сделать. На Волини во время завивания залома завивающий громко выкрикивал: «*Хваробу тваеи худоби* ('скоту')!»; «*Хваробу тебе и у твою семью!*» «*Хто буде жать, того буде таскать; хто буде малатить, того буде калатить; хто буде ести – той буде на стенку лезти!*»²⁹. В поздней традиции такие проклятия воспринимаются уже не как охранительная магия, способствующая сбережению залома, а следовательно, и урожая, а как проявление злокозненной сути колдуна / ведьмы, устроивших залом.

С переосмыслением под воздействием христианства образа *волхвы* / *волхва* / *ведьмы*, когда заламывание ржи стало восприниматься как явление отрицательное, возникло представление о необходимости нейтрализации его вредоносного действия. Существуют различные способы такой нейтрализации. «Для избавления от опасности следовало не просто вырвать и уничтожить залом, но и «отговорить», «отшептать» его, т. е. снять или отвернуть проклятие»³⁰. На это оказываются способны знахарь (или другой колдун) или священник. Он, используя особые приемы, *срезает* или выдергивает «закрут»... далее залом

сжигают или топят в реке, болоте³¹. Таким образом, обряд уничтожения залома проводил человек, обладавший эзотерическим знанием, – в исторической перспективе тот же волхв.

Вероятно, уничтожение *залома* некогда относилось к типологическому ряду продуцирующих аграрных ритуалов³², порождённых представлением о смерти, обуславливающей новое рождение³³, и представляющих собою «уничтожение либо объекта растительности, либо его антропоморфного эквивалента – куклы или чучела». Наиболее известными из подобных ритуалов являются сожжение чучела Масленицы и потопление троицкой берёзки. Возможно, и уничтожение залома изначально имело тот же смысл, и донесённые до наших дней традицией представления о способах нейтрализации вредоносной силы залома представляют собою рудименты обряда, подобного гдовскому обряду «резать Бабу», в ходе которого мифическое существо, воплощавшее в себе плодородную силу, обеспечивающую урожайность поля, предавалось смерти, что, по древним представлениям, необходимо для его нового рождения и, следовательно, обеспечения урожая будущего года.

¹ *Криничная Н. А.* Русская мифология : Мир образов фольклора. М., 2004. С. 525. Далее: *Криничная Н. А.* Русская мифология.

² *Виноградова Л. И., Толстая С. М.* Залом // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 2000. С. 262. Далее: Славянские древности.

³ *Криничная Н. А.* Русская мифология. С. 525.

⁴ Там же.

⁵ *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 72. Цит. по: *Криничная Н. А.* Русская мифология. С. 526.

⁶ *Криничная Н. А.* Древнерусские наименования ведунов // Русская мифология. С. 397.

-
- ⁷ *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. М., 2000. С. 71.
- ⁸ Сообщил А. С. Метелягин.
- ⁹ *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. С. 73.
- ¹⁰ Там же. С. 78.
- ¹¹ Там же. С. 79.
- ¹² *Лобкова Г. В.* Древности Псковской земли: Жатвенная обрядность. СПб., 2000. С. 23. Далее: *Лобкова Г. В.* Древности...
- ¹³ Там же. С. 24.
- ¹⁴ Там же. С. 26.
- ¹⁵ Там же. С. 23.
- ¹⁶ Там же. С. 77–78.
- ¹⁷ Там же. С. 90.
- ¹⁸ Там же. С. 78.
- ¹⁹ Там же. С. 76, 84.
- ²⁰ Там же. С. 84.
- ²¹ *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2000. С. 57.
- ²² *Лобкова Г. В.* Древности... С. 61.
- ²³ См. об этом: *Пропп В. Я.* Ритуальный смех в фольклоре // *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность : избранные статьи. М., 1976. С. 183–184.
- ²⁴ *Лобкова Г. В.* Древности... С. 28.
- ²⁵ Зап. от *Матюшевой М. П.*, 1918 г. р., в д. Гультия Гультияевск. вол. Пустошкинск. р-на Пск. обл. Записали: Магомедова А., Балдыбекова Г., Соколова А. – ФА ПГПУ за 1985 г., т. 10/1395, № 15.
- ²⁶ *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. М., 2000. С. 94 – 95.
- ²⁷ *Виноградова Л. И., Толстая С. М.* Залом // Славянские древности. Т. 2. М., 2000. С. 263.
- ²⁸ Зап. от *Синицыной А. П.*, 1906 г. р., в д. Павлово-Юшково Сутокского с/с Себежского р-на Пск. обл. Записала Плошук Г. И. – ФА ПГПУ за 1986, т. 1/1591, № 6.
- ²⁹ *Виноградова Л. И., Толстая С. М.* Славянские древности. С. 263.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Криничная Н. А.* Русская мифология. С. 530.
- ³² *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. М. : Лабиринт, 2000. С. 100.

³³ О растерзании, сожжении и потоплении чучел, предании смерти и погребении Купалы, Костромы, Ярилы, о троицкой берёзке и т. п. см.: *Пропт В. Я.* Русские аграрные праздники. М. : Лабиринт, 2000. С. 81–123.

СОКРАЩЕНИЯ

Гд. – Гдовский район Псковской области.

Опоч. – Опочецкий район Псковской области.

Порх. – Порховский район Псковской области.

С.-К. – Стругокрасненский район Псковской области.

Зел.ВЭ:71 – *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 71.